

Несколько актёров промычали что-то в ответ и расселись, разбирая ланч-боксы. Все сидели довольно тесно, оставив два соседних места для Цзян Цяо и Тан Сю. Тан Сю подошёл, взял наугад коробку с едой и открыл её. Обернувшись, он увидел, что Ван Юй сидит напротив и молча ест — во время всеобщего шума он не участвовал.

Тан Сю усмехнулся:

— Почему у тебя такой скромный обед?

У Ван Юя был исключительно вегетарианский ланч — сплошная зелень, и единственный намёк на жир исходил от баклажанов.

Ван Юй поднял на него взгляд и криво улыбнулся:

— С язвочками во рту, боюсь есть мясо.

— Вот как.

Цзян Цяо тоже поднял на него глаза:

— Может, из-за стресса на съёмках?

Вчера один из кадров с Ван Юем переснимали больше десятка раз, а на сегодня после обеда назначили ещё несколько крупных планов. Чэнь Бин обернулся и сказал:

— Сяо Ван, не переживай так сильно. Хотя режиссёр Цзян строг, но роль — твоя собственная, не нужно слишком торопиться.

Ван Юй кивнул:

— Спасибо, старший.

Цзян Цяо вздохнул, а потом улыбнулся:

— Мне кажется, вы все воспринимаете меня как какого-то монстра, будто я ужасно свирепый.

Услышав это, все разом опустили палочки для еды. Даже Чжан Кайсин приподнял бровь, глядя на Цзян Цяо с выражением, полным невысказанных слов. Цзян Цяо огляделся и с ещё большей досадой рассмеялся:

— Кроме такого чистого новичка, как Тан Сю, вы все меня боитесь?

Никто не кивнул, но и отрицать не посмел.

Цзян Цяо вздохнул:

— Ладно. Ван Юй, твой последний кадр сегодня перенесём на завтра, поменяешься с Тан Сю. Если стресс большой — выйди прогуляться. Кстати, в киногородке нет аптеки, я составлю список, сбегаете и купите мне лекарства для рук.

Ван Юй замер на несколько секунд. Это был первый раз, когда Цзян Цяо проявил к артисту доброе отношение. Он почти не мог поверить, что такая удача свалилась именно на него.

Он инстинктивно взглянул на Тан Сю, но тот, опустив голову, молча ел. Ван Юй не различал

его выражения, но почувствовал, что Тан Сю выглядел несколько подавленным.

Ван Юй и сам не мог понять, что чувствует — лёгкое, едва уловимое возбуждение, щекочущее ощущение, понемногу разливавшееся в груди. Он поспешно ответил:

— Хорошо, спасибо, режиссёр.

Цзян Цяо кивнул:

— Ешь.

В Weibo продолжался ажиотаж. По сравнению с Лу Канцином, Тан Сю и Цзян Цяо были лишь мелкой рябью, болтавшейся в самом низу списка горячих тем. Лу Канцин в одиночку захватил три из пяти первых мест в топе и с момента вчерашнего инцидента так и не дал ответа. Вчера, сразу после происшествия, Тан Сю ещё мог связаться с Сун Мянem, но теперь даже Сун Мянъ был недоступен.

Эти двое, вероятно, уже были на грани. Лу Канцин в тот раз ходил в наркологический центр за рецептом врача, а на выходе нёс что-то в руках — всё это было железными уликами, от которых не отмыться.

Днём у Тан Сю было мало сцен, и он сидел на стуле в углу съёмочной площадки, наблюдая за Ван Юем и остальными. У Ван Юя сегодня было особенно хорошее состояние — то ли доброе отношение Цзян Цяо его обрадовало, то ли развитие ситуации в сети его удовлетворило, но он пребывал в весьма приподнятом настроении.

Стоило отметить, что настроение Ху Гуанжаня тоже было нормальным — он болтал и смеялся с Чэнь Бином и другими. Когда с Лу Канцином случилась беда, он не проявил ни капли печали.

Тан Сю, наблюдая со стороны, всё прекрасно понял. Видимо, Ху Гуанжаню нравился Сун Мянъ, и он знал о его тайных отношениях с Лу Канцином. Когда Лу Канцин попал в беду, Ху Гуанжань, хоть и не злорадствовал, но и не разделял всеобщего беспокойства.

Он раньше задумывался, не могли ли Ху Гуанжань и Ван Юй сговориться, но, поразмыслив, понял, что нет. Цзян Цяо был прав — Ху Гуанжань был просто туповатым болваном, обычно говорил что думал, и к тому же от всей души презирал Ван Юя, так что эти двое вряд ли могли быть сообщниками.

Пока он обдумывал ситуацию, внезапно зазвонил телефон — на экране высветилось имя Сун Мяня.

В такой момент...

Тан Сю немного помедлил, но всё же ответил:

— Алло.

Голос Сун Мяня звучал измождённо:

— Сяо Цзина, наверное, не спасти.

Тан Сю кивнул:

— Доказательства неопровержимы. Попался — значит, попался, ничего не поделаешь.

Сун Мянью, похоже, не ожидал такого ответа и удивился:

— Ты... — Он вздохнул. — Я хотел спросить, нет ли у тебя каких-нибудь идей. Ты быстро соображаешь. Но я не ожидал, что у тебя будет такая позиция, ты...

Тан Сю усмехнулся, окинул взглядом окружение и понизил голос:

— Какая у меня позиция? Холодная?

Он встал и направился в безлюдный угол, продолжая тихо:

— Когда ты взял вину на себя за Лу Канцзина, я не стал разоблачать это, чтобы уважить твоё желание защитить любимого человека. Но разве с самого начала не Лу Канцзин должен был понести наказание?

Сун Мянью опешил. Тан Сю говорил спокойно, но от него словно исходила мощная аура, подавляющая любые возражения.

— Публичные лица, употребляющие наркотики, независимо от степени, совершают тяжкий проступок. Сначала он проявил безответственность к себе, потом обманул любовь фанатов, а ещё втянул тебя в беду. Если такой человек, такое поведение могут остаться безнаказанными лишь потому, что кто-то готов взять вину на себя — сходить на время в наркологический центр, а потом, отряхнувшись, продолжить наслаждаться идеальной жизнью, — то в этом мире нет никакой высшей справедливости. — Голос Тан Сю был ровным, даже с оттенком утешения.

— Раз ты его любишь, ты же не станешь презирать его за то, что он больше не тот сияющий идол?

Сун Мянью долго молчал, прежде чем медленно произнёс:

— Боюсь, ему будет тяжело.

Тан Сю усмехнулся:

— Возможно, в твоих глазах Лу Канцзин — хороший человек. Но человеческая натура не состоит лишь из хорошего. Совершив ошибку и получив наказание, невозможно чувствовать себя хорошо. Я не думаю, что тут есть место сочувствию.

— Не ищи меня больше по его делам. — Тан Сю потер переносицу и медленно выдохнул. — И ещё: человек, которого он просил меня найти, уже установлен. Но, думаю, вы вряд ли сможете что-то с ним сделать в ближайшее время, так что я разберусь с этим сам, не беспокойся.

— Ты разберёшься? — В голосе Сун Мянью прозвучало потрясение. — Как ты разберёшься?

Тан Сю тихо рассмеялся:

— Тебе не нужно знать. Это не ради вас — просто этот человек тоже мне досаждал.

Он положил трубку и уже собрался вернуться, как вдруг услышал за спиной голос Цзян Цяо:

— Старый Предок, какой же ты величественный.

Тан Сю вздрогнул и нахмурился, обернувшись:

— Когда ты подошёл?

— Когда ты сказал, что Лу Канцзин не заслуживает сочувствия. — Цзян Цяо улыбнулся, его глаза были полны нежности и восхищения. — Похоже, у человека, который мне нравится, правильные ценности.

Тан Сю нахмурился:

— Это съёмочная площадка, ты...

Даже если вокруг никого не было, говорить так прямо было уж слишком смело.

Подобный рискованный, радикальный стиль Старый Предок никогда не одобрял. По его мнению, лишь недолговечные юнцы способны на такие поступки под влиянием сиюминутных эмоций.

Однако Цзян Цяо покачал головой, на его лице на мгновение мелькнула нарочитая бесстрастность:

— Ты же и сам знаешь, что это съёмочная площадка.

Тан Сю с опозданием понял, на что тот намекает:

— ...

Цзян Цяо сердито посмотрел на него:

— Я годами с трудом выстраивал на площадке авторитет, а ты своими выходками можешь всё это разрушить.

С этими словами некий режиссёр подошёл и хлопнул Старого Предка по голове:

— Впредь не шали так.

Тан Сю нахмурился, глядя на него, и после паузы произнёс:

— Что дало тебе смелость... — посметь хлопнуть Старого Предка по голове?

Цзян Цяо сохранял спокойное выражение, без тени раскаяния за неуважение к старшим, и продолжил:

— И развлекаться с режиссёром глубокой ночью — разве ты не боишься, что игра с огнём может обернуться против тебя самого?

Тан Сю:

— ...

— В общем, больше так не делай. — Сказав это, Цзян Цяо развернулся и ушёл. Тан Сю смотрел ему вслед, мысленно прикидывая: не повредился ли Цзян Цяо рассудком от его постоянных выходок.

Его мыслительные процессы становились всё причудливее.

...

Неизвестно, подействовали ли слова Тан Сю, или Лу Канцин сам осознал реальность, но в половине девятого вечера он провёл пресс-конференцию.

Перед камерами он трижды поклонился, извинился, признал, что действительно употреблял наркотики, принял всю критику и наставления полиции, а также добровольно заявил об уходе из индустрии и обещал никогда не возвращаться.

На видео он от начала до конца сохранял спокойное и сдержанное выражение лица, но под конец всё же не смог сдержать слёз.

<http://bllate.org/book/16171/1449914>